

«Нас ожидает существенное сокращение юридического рынка»

Объединение адвокатского сообщества необходимо сегодня для защиты гражданского общества от разрушения, убежден **Егор Носков**, управляющий партнер независимой юридической фирмы «Дювернуа Лигал».

— **экспертное мнение** —

— **Насколько важную роль в экономике и социальной жизни современной России играет, по вашему мнению, юридическое сообщество в целом и его адвокатская составляющая в частности?**

— К сожалению, сегодня юридические услуги, делающие кассу большинства российских юридических фирм, можно сравнить с ритуальными услугами похоронных бюро. Работа юристов зачастую сводится к тому, чтобы помогать клиентам не развигляться, а закрывать их бизнесы, сопровождать их ликвидации и банкротства. Дополнительным — в кавычках — бонусом является бесконечное количество уголовных дел в отношении собственников и менеджмента клиентов, их привлечения к субсидиарной ответственности в случаях несостоятельности и банкротств. В то же время, в отличие от клиентов похоронных бюро, число клиентов как самостоятельных хозяйственных субъектов бесконечно сокращается и не возобновляется. Это можно увидеть на примере частных петербургских банков. За последние семь лет в Петербурге из крупных частных банков, по сути, на рынке остался только банк «Санкт-Петербург». Между тем каждая из ликвидированных банковских структур имела значительное количество внебанковских бизнес-проектов. Разумеется, банк, лишаясь лицензии и попадая впоследствии (как правило) в процедуру банкротства, обеспечивает юридические фирмы, и особенно юридические фирмы, аккредитованные Агентством по страхованию вкладов (АСВ), работой. Однако если активный бизнес обеспечивает юристов работой на протяжении многих лет, то банкротство — процесс конечный.

Очевидно, что даже на депрессивном в целом юридическом рынке есть ниши, которые актив-

но развиваются. Например, растет количество работы в секторе IP/IT в сфере защиты интеллектуальных прав: несмотря на общую стагнацию в экономике, в России продолжают успешно работать и развиваться ряд крупных высокотехнологичных компаний мирового масштаба, таких, например, как «Яндекс». По-прежнему заключаются масштабные сделки на рынке коммерческой недвижимости, но это скорее исключение из правил.

Тем не менее, по моему мнению, в обозримом будущем нас ожидает существенное сокращение юридического рынка. Последние несколько лет наблюдается тенденция, когда фирмы, которые вообще не занимались уголовным правом (в том числе и наша), создают уголовные практики, и для многих они уже стали основным источником доходов. Но на этот бизнес активно «наступает» государство через всевозможные антилиберальные законопроекты. К ним можно отнести, например, последнюю инициативу о запрете адвокатам приносить мобильные телефоны в места лишения свободы и следственные изоляторы. Как и для практически любого современного человека, телефон для адвоката — главный рабочий инструмент. Походы на свидания с клиентами в СИЗО и места заключения из-за очередей и в целом не самого оптимально организованного процесса могут занимать весь день.

Таким образом, направляясь в СИЗО, адвокат лишается возможности работать и быть на связи со своими клиентами. Это по-человечески унижает, во-первых, неэффективно, во-вторых, а в-третьих, является очередным примером того, что стороны обвинения и защиты в России неравноправны. Потому что сотрудников органов следствия права пользоваться их рабочими инструментами никто не лишает. Яркий и шокирующий адвокатское сообщество пример двойных стан-



дартов — уголовное дело в отношении адвоката Ивана Павлова. Фактически Павлов обвиняется в том, что распространил в прессе основополагающий следственный документ, который не должен являться секретным по определению. — это постановление о привлечении в качестве обвиняемого в отношении своего клиента. Однако следствие может по своему желанию распространять любые сведения в отношении обвиняемых в любом, самом невыгодном для них, свете. Например, в наручниках, в клетке в зале суда, демонстрировать видеосъемку жилища, личных вещей подозреваемого, еще не признанного судом виновным, без каких бы то ни было санкций и ограничений.

Стоит добавить, что процент оправдательных приговоров в России (менее 0,5% от общего количества приговоров) давно уже стал притчей во языцех. По сути, это означает, что роль адвокатов в большинстве процессов и так уже многие годы сводится к глубоко второстепенной. Закономерно, что, когда от адвоката ничего не зависит, у клиента нет мотивации оплачивать его услуги.

С точки зрения обывателя, не вовлеченного в политическую жизнь, выносятся очень странные приго-

воры: крайне жесткие для любых участников протестных движений, но порой чрезвычайно мягкие для преступников, совершивших чудовищные преступления против личности или коррупционные преступления. Если бы позиция российской судебной системы состояла в том, что она чрезвычайно сурова по отношению ко всем нарушителям буквы закона, то в этом была бы некая жесткая, но понятная логика. Но фактически судебная система стоит именно на защите государственных интересов и на защите существующего положения вещей в политике, а не гражданско-общества в целом.

Таким образом, с одной стороны, стагнация в экономике и бесконечное уменьшение активных бизнесов лишают крупные российские юридические фирмы их основных доходов — практики коммерческого права. А неравноправие сторон защиты и обвинения в уголовном процессе обуславливает сокращение практики высокопрофессиональных адвокатов по уголовным делам.

— **Получается, что российские законодатели никак не заинтересованы в развитии юридического сферы? Почему?**

— Законодатели, полагаю, в последнюю очередь думают о проблемах

юридического бизнеса. Это слишком маленькая (в масштабах национальной экономики) отрасль как по объему рынка в денежном выражении, так и по числу занятых в ней людей. Но эта небольшая отрасль чрезвычайно важна для здоровья государства. Подобно тому, как врачи обеспечивают жизнедеятельность и здоровье организма человека, юристы защищают человеческое достоинство и защиту прав собственности. К сожалению, инициативы, которые мы сейчас наблюдаем, ведут к еще большему сведению роли адвокатского сообщества от второстепенной к просто декоративной.

— **Глобализация становится все более выраженным трендом современного мира, в том числе через унификацию законодательства отдельных стран. Характерно ли это для нашего государства?**

— Глобализация в юридическом мире, безусловно, существует. Нередки случаи, к примеру, когда решения английского суда исполняются в государствах, не подписавших соответствующую конвенцию. Просто в силу уважения к судебной системе и сложившегося обычая. Современная Европа и такие страны, как США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, не находятся в единой государственной правовой системе, но руководствуются единими принципами справедливости, защиты прав и свобод. В России, мне кажется, в настоящее время судебная система в значительной степени ориентирована на самоизоляцию, защиту интересов государства и особого пути, по которому движется страна. Внесение в Конституцию изменений о приоритете российского законодательства над международным — очевидно, шаг в противоположную сторону от глобализации.

— **Видите ли вы факторы, которые могут изменить эту ситуацию?**

— В отечественной истории со времен объединения русских земель московскими великими князьями был только один очень короткий период, с 1864 по 1917 год, когда правосудие было в буквальном смысле независимым, руководствовалося принципами морали и справедливости и не зависело от государственной власти. И то при определенных исключениях, когда после

задавленной революции 1905 года по всей России действовали столыпинские военно-полевые суды.

Своем появлением в 1864 году суд присяжных обязан исключительно политической воле и, как сейчас говорят, визионерству Александра II. Уверен, что император отдавал себе отчет в том, что присяжные не будут выносить исключительно «удобные» ему решения. Ряд приговоров по политическим делам, в частности, по делу Веры Засулич, никак не мог понравиться ни царю, ни его приближенным, ни правящему классу в целом. Девушка, стрелявшую в градоначальника Санкт-Петербурга, признали невиновной. Но в этом и смысл правосудия, когда решения судебной власти исходят из принципа справедливости, из лучшего, что есть в человеческой цивилизации, из нравственности. Величие реформы 1864 года заключается в том, что она произошла не от давления народных масс снизу, а от политической воли авторитарного правителя, который понимал, что без независимого правосудия невозможно развитие государства.

— **Как повлияли на юридическую сферу обстоятельства последнего года, связанные с локдауном, нарушением стандартного порядка ведения дела?**

— Юристов ограничения практически не коснулись. Суды в России продолжали работать, хоть и в онлайн-режиме. Конечно, в денежном выражении отрасль пострадала. Но если сравнивать с другими отраслями, которые фактически обанкротились, юристы пережили локдаун сравнительно неплохо.

— **Что, по вашему мнению, необходимо сегодня обсуждать внутри профессионального сообщества?**

— Сейчас для адвокатского сообщества России наступает момент истины. Как я сказал ранее, его состояние из второстепенного может окончательно перейти в разряд декоративных. Но осознав угрозу своей роли в здоровом гражданском обществе, адвокатское сообщество, состоящее из десятков тысяч образованных людей, через единую и публичную позицию может стать тем существенным элементом, который удержит гражданское общество от дальнейшего разрушения.

Беседовала
Татьяна Крамарева

Знаковые споры

— **патентный троллинг** —

В России набирает популярность патентный троллинг — судебные процессы, где истец оспаривает интеллектуальные права других фирм, при этом сам не производит товаров и не оказывает никаких услуг. Добросовестные компании жалуются на существенные потери и предлагают варианты решения проблемы, а юристы противоречиво оценивают сложившуюся судебную практику.

Патентными троллями называют лиц, которые специализируются на массовой регистрации повсеместно используемых обозначений в качестве товарных знаков и на последующем взыскании компенсации за их незаконное использование. Более 20 российских компаний уже готовы подписать обращения к председателю Верховного суда Вячеславу Лебедеву, генеральному прокурору Игорю Краснову и главе правительства Михаилу Мишустину с просьбой обратить внимание на ситуацию с патентным троллингом в России, которая приводит к «закрыванию бизнеса, росту безработицы, снижению уплаты налогов в бюджет страны». Компании жалуются на решения Суда по интеллектуальным правам, которые выносятся по делам с участием индивидуального предпринимателя Азамата Ибатуллина. Он считается одним из самых известных патентных троллей в России. По данным на 16 мая, в картотеке арбитражных дел числится 247 дел, где он выступает в роли истца, только за 2021 год он подал 24 иска.

Еще в прошлом году в журнале Суда по интеллектуальным правам прямо назвали Азамата Ибатуллина патентным троллем. Однако, по словам Дианы Рамазановой, юриста, сопровождающего ООО «Адель» — еще одну компанию, пострадавшую от деятельности индивидуального предпринимателя и ставшую инициатором подачи обращений, судебная

практика после этого не изменилась. Например, в марте этого года Азамат Ибатуллин смог выиграть спор у бурятского ООО «Ритм», владеющего в Улан-Удэ сетью из четырех магазинов по продаже бытовой химии, хозяйственных товаров и посуды, которые раньше назывались «Сто тысяч мелочей». Во время повторного рассмотрения дела Арбитражный суд Бурятии взыскал в пользу Азамата Ибатуллина 10 млн рублей, что, как он рассказывал, «Б», стало максимальной суммой в его судебной практике по спорам такого рода.

Товарный знак «Сто тысяч мелочей» был оформлен на ООО «Тан» с правом приоритета от 2011 года и использовался компанией «Ритм». В 2018 году Азамат Ибатуллин направил ответчику претензионную жалобу с требованием прекратить использование товарного знака, который до степени смешения схож с товарным знаком «Тысяча мелочей». Права на него индивидуальный предприниматель выкупил всего за год до направления жалобы, в 2017 году. В итоге суд пришел к выводу, что товарные знаки схожи между собой до степени смешения и назначил компенсацию в пользу Азамата Ибатуллина в 10 млн рублей. «В делах о лишении правовой охраны на товарный знак Суд по интеллектуальным правам не исследует доказательств, представленные сторонами, всесторонне и полно. 90% исковых заявлений, которые подает Азамат Ибатуллин или его аффилированная компания ООО «ХК Бизнесинвестгрупп», удовлетворяются в пользу предпринимателя», — говорится в тексте жалобы в органы власти. Господин Ибатуллин претендовал на такие известные бренды, как МТС, «Локомотив», Top Gear, «Медиамакт».

По данным на 2019 год, Азамат Ибатуллин являлся правообладателем 725 товарных знаков. Юрист Татьяна Шумилова, сопровождающая ООО «Адель», обращает внимание на то, что арбитражные суды первой и

апелляционной инстанции в спорах с индивидуальным предпринимателем встают на сторону хозяйствующих субъектов, выражая свою позицию следующим образом: «Очевидно, что лицо, обладающее настолько значительным „портфелем“ товарных знаков и, тем не менее, регулярно подающее новые заявки на регистрацию товарных знаков, не может добросовестно использовать их все в гражданском обороте, фактической деятельностью предпринимателя является аккумуляция товарных знаков, схожих с известными брендами, коммерческими обозначениями и обращение в суд с требованиями о прекращении нарушения исключительных прав на товарные знаки или подача возражений против предоставления правовой охраны товарным знакам с целью попытки получения каких-либо выплат от предпринимателей, ведущих активную деятельность с использованием сходных коммерческих обозначений и не желающих участвовать в судебных тяжбах». Однако суды по интеллектуальным правам не видят в действиях господина Ибатуллина и аффилированных с ним компаний злоупотребления правом и выносят решения в его пользу, отмечает юрист.

Азамат Ибатуллин в разговоре с журналистом сказал, что использует товарные знаки различными способами, «как положено использовать». С наименованием себя как «патентного тролля» он не согласен: «Троллинг — это деятельность ради развлечения. Смысл словосочетания в русском языке определяется смыслом слов, входящих в него. Применительно ко мне это слово стали использовать несколько лет назад. Но чтобы понять, троллинг это или действие в сфере бизнеса, нужно понимать суть и цель. Если человек подает в суд, зная, что проиграет, и чтобы поприкалываться, то это называется троллингом. На вопрос о характеристике своей деятельности господин Ибатуллин ответил, что не хочет «никак это называть», а потом

добавил, что «это называется бизнес». «Любые споры приводят к тому, что грамотность людей повышается. Еще нет ни одной компании, которая обанкротилась бы по моему иску. У меня нет такой цели. Другой вопрос, что они сами виноваты. Со мной всегда можно договориться. Если они попали в такую ситуацию, то они должны или выйти на переговоры, или прекратить использовать чужой товарный знак. Надеяться на что-то и продолжать использовать чужой товарный знак — это как минимум незаконно», — рассуждает он. По словам индивидуального предпринимателя, в его практике были компании, которые смогли с ним договориться: «Мы работаем дальше, нормально общаемся». Условия договоренностей, по его словам, зависят от стадии, на которой компания согласилась на переговоры.

По словам Александра Лебенкова, партнера GRATA International, случаи предъявления претензий, в основе которых лежит злоупотребление патентными правами, фиксируются в России все чаще и приобретают все более масштабный характер: «В странах с развитыми рыночными институтами это уже распространенная и устойчивая практика. Если в России споры с участием непрактикующих патентообладателей относительно новое явление, не имеющее глобальных масштабов по реально взысканным суммам компенсаций, то, скажем, в США это глобальный бизнес, имеющий реальное правовое влияние на многие сферы экономики. Игроки бизнеса патентного троллинга взыскивают с крупнейших корпораций миллионы долларов, а размер присуждаемых сумм ущерба в пользу непрактикующих патентообладателей имеет тенденцию только к росту. По сути, давно возник легальный бизнес, который подрывает основы патентного права», — говорит юрист. Еще в прошлом году группа из 35 компаний, среди которых были Volkswagen, HP, Samsung,



Игроки бизнеса патентного троллинга взыскивают с крупнейших корпораций миллионы долларов, а размер присуждаемых сумм ущерба в пользу непрактикующих патентообладателей имеет тенденцию только к росту

BMW, Apple и Microsoft, обращались в Еврокомиссию с требованием принять меры против патентных троллей. Сделать это предлагалось через систематизацию норм патентного права, чтобы у недобросовестных участников рынка не было возможности манипулировать ими.

Степанида Буран, руководитель практики интеллектуальной собственности GRATA International, предполагает, что в ближайшее время проблема в России искоренена не будет, но замечает существенные подвижки в этом вопросе за последние годы. По ее словам, после принятия Верховным судом постановления пленума № 10 в апреле 2019 года суды чаще стали отказывать в защите прав на товарный знак, если в ходе судебного процесса установлено, что действия по применению конкретных мер защиты являются злоупотреблением правом: «Суды при недоказанности фактического осуществления деятельности с использованием товарных знаков, все чаще приходят к выводу о том, что это лишает заявителей права на защиту. Попытка получить такую защиту при отсутствии достойного защиты интереса, по мнению судов, является злоупотреблением правом со стороны заявителей». Госпожа Буран также отмечает рост отказов в регистрации товарных знаков Роспатентом: «Рассматривая заявки на регистрацию обозначения в качестве товарного знака, Роспатент стал гораздо тщательнее проверять

обозначения. Так, согласно данным ведомства, в 2020 году вырос процент отказов в регистрации товарных знаков. Он составил 40%, когда в 2018–2019 годах доля отказов не превышала 27%». Юрист видит в этом тенденцию борьбы с недобросовестными субъектами, регистрирующими товарные знаки и требующими защиты прав на них.

Диана Рамазанова, напротив, говорит о решениях судов по интеллектуальным правам, где внимание на злоупотребление правом не обращается: «Основная цель товарных знаков — защитить участника экономического рынка, который создает узнаваемый бренд, платит налоги, создает рабочие места. На данный момент ситуация диаметрально противоположная: Азамат Ибатуллин и аффилированные с ним компании заявляют право на известные товарные знаки и требуют выплатить им компенсацию, при этом не ведя экономической деятельности. В таких делах внимание стоит обращать на то, какой вклад в экономику страны вносят компании по спорному знаку. Так, например, наша организация до спора по товарному знаку осуществляла коммерческую деятельность, создавала рабочие места, в то время как Азамат Ибатуллин предоставил в качестве подтверждения своей деятельности безвозмездный лицензионный договор с организацией, в которой числится один человек и нулевой оборот».

Марина Царева